

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

БАРСУКОВА С.Ю. НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

В потоке современных публикациях нелегко найти книгу, в которой автор сразу же вводит читателя в курс того, с какой целью она написана. Настоящее издание можно считать исключением. Цель рассматриваемой книги сформулирована следующим образом: дать «системное описание природы феномена» (с. 10) неформальной экономики (НЭ). Читателя предупреждают, что ему не представят «эмпирических расчетов», а дадут только «схемы реальности». Сразу ясно, что речь пойдет не столько об определении «природы феномена», сколько о схематическом описании его описаний.

В книге делается попытка систематически рассмотреть качественно разнородные виды деятельности, в которых агенты иногда естественным образом — в силу природы своей деятельности — ускользают, а иногда *намеренно стараются* ускользнуть от подчинения формальным институтам хозяйствования и статистического учета. Трудность поставленной задачи становится очевидной, если учесть, что прилагательное «неформальный», как верно замечает М. Дезер, «входит в синонимические ряды и к слову “преступный”, и к слову “дружеский”» [1]. Однако специалисты, занимающиеся исследованием отдельных отраслей неформальной экономики, найдут здесь не только предмет для споров, но и основания для обретения более взвешенного взгляда на объект исследования. Начинающим экономосоциологам книга будет полезна как логия. Для широкого круга читателей интерес могут представлять многочисленные сюжеты, увязывающие проблематику неформальной экономики со смежными областями. Многие главы представляют увлекательное, доступное и в то же время умное чтение.

Первый раздел (глава 1) открывается развернутым введением в проблематику. Здесь проведена инвентаризация понятий, применявшихся для обозначения одного и того же референта. Глава отчасти

построена в логике исторического очерка об «открытии» НЭ. Подчеркивается, что термин поначалу применялся по отношению к развивающимся странам и был скорее политкорректным, нежели теоретически валидным, а его употребление было конвенциональным и более опиралось на здравый смысл, чем на тщательную теоретическую проработку (с. 17)¹. Далее излагаются два подхода к изучению неформального сектора, характерных для первого этапа исследований. Первый подход акцентирует внимание на «характере деятельности предприятий неформального сектора», стремящихся к сокращению издержек (с. 17), второй — на «преступлении через закон» (с. 18). Из текста (с. 17–19) можно сделать вывод, что речь идет об одном и том же мотиве, который в разных объективных условиях концептуализируется в разные цели. Для обоих подходов характерен нормативизм, в логике которого явление определяется не по своей сущности, а в зависимости от государственных санкций.

После «открытия» НЭ в развитых странах на смену упрощенному делению без остатка на формальную и неформальную экономику пришло представление о континууме альтернативных укладов и понимание того, что НЭ свойственна всем, а не только неразвитым формам хозяйствования (с. 25). Из краткого обзора теоретических течений, появившихся после этого «открытия» (с. 24–27), может возникнуть непредусмотренное впечатление, что и на этом этапе термин не стал свободным от врожденной «политкорректности»: конструкторы научного и политического дискурсов НЭ вполне могли отражать интересы различных субъектов социального действия. В частности, разработка методов оценки «скрытой» экономики хорошо увязывается с улучшением учета экономической деятельности (повышения собираемости налогов), а изучение домашней экономики ведется в рамках гендерной исследовательской программы.

Краткий обзор вариантов сегментации НЭ (с. 28–33) автор завершает построением карты НЭ, где выделяются четыре сегмента: криминальное и теневое предпринимательство, сетевые обмены и домашняя экономика (с. 38). Первые два сегмента относятся к базисующейся на рыночном обмене и извлечении прибыли экономике «большого общества» и включают трансакции «вопреки закону» (то есть, противоречащие формальному праву); следующие два образуют НЭ «вне закона», опирающуюся на межличностные обмены. Это деление, очевидно, связано с представлением о том, что вся экономика «большого общества» должна *без остатка регулироваться* формальным правом, в то время как экономика «межличностных обменов»

¹ Здесь автор довольно изощренно переводит “common sense notion” как «примерно равное понимание смысла» (с. 17).

принципиально не подпадает под формальное право, поскольку *изначально* укоренена в неформальных институтах (с. 37).

Таким образом, схема охватывает все виды возможных трансакций, имеющих экономический смысл. Именно в силу систематичности (что является несомненным достоинством), предложенная схема обречена вдохновлять исследователей на новые попытки концептуализации поля неформальной экономики. Дело не только в существовании континуума нечистых, «пограничных» форм.

Автор признается, что ей «даже в фантазиях трудно представить общество, в котором создавались бы законы, регламентирующие распределение внутрисемейных обязанностей и режим домашнего труда, лимитировались бы подарки соседям и помощь детям, а создаваемые для внутрисемейного потребления блага облагались бы налогом» (с. 35). Оставим разбор антиутопических вымыслов литературоведам (и позавидуем способности автора лишь на невинные фантазии). Просто вспомним нормативно закрепленные ограничения в эпоху дефицита на пересылку родственникам по почте продуктовых даров, например сахара, не оставляющие надежд на коммерческую выгоду. Вспомним, что советский мужчина должен был иметь весьма веские аргументы, чтобы стать домохозяйном и при этом избежать квалификации тунеядца; что и в «цивилизованных обществах» с надежно защищенной приватностью родственное дарение «крупных вещей» регламентируется писаными законами и подлежит декларированию. Вообще сравнение кодифицированного семейного права в обществах, принадлежащих к разным цивилизационным ареалам, даст массу релевантных примеров для экономико-социологических размышлений о НЭ. Однако экономическая сфера «большого общества» всегда полна правовых пустот, куда не успела ступить нога законодателя. Кодификация всегда отстает от практики, что и оправдывает существование, в частности, легиона юристов и специалистов по «оптимизации налоговых схем». Выходит, что некоторые виды активности в экономике «большого общества» тоже могут быть «вне закона» (если, конечно, не давать закону обратную силу). И тогда ясно, что граница между формальным и неформальным является результатом переговоров между претендентами на учреждение правил игры.

Тем не менее предложенная С.Ю. Барсуковой схема заслуживает внимания хотя бы потому, что представляет собой попытку концептуализировать объект по существу, а не в зависимости от санкций со стороны устанавливающих правила высокоресурсных игроков. Здесь, правда, можно возразить, что само обозначение объекта — «неформальная экономика» — едва ли имеет смысл вне контекста этих самых санкций. Возражение, конечно, сильное. Однако даже согласие с ним приводит к важному следствию: эссенциалистский нормативный

подход больше не кажется бесспорным. Мы столь подробно остановились на вводной главе, потому что именно в ней закладывается основа «системного описания природы феномена».

В главе 2 дается обзор гипотез о причинах развития НЭ в развивающихся и развитых странах. Знакомясь с третьей главой, читатель может убедиться, что трудности теоретической концептуализации НЭ связаны не столько с несовершенством понятийного аппарата, сколько, во-первых, с разнообразием идеологической оптики, неизбежно предпосланной всякой концептуализации, и, во-вторых, с функциональной амбивалентностью самого референта и его зависимостью от социального контекста. Автор солидаризируется с Й. Шумпетером в том, что «вера каких-то групп людей в свою свободу от идеологической заданности представляется... просто особо злобредным свойством их системы иллюзий», и справедливо утверждает, что «вид на неформальную экономику из разных идеологических космосов, несомненно, будет различаться» (с. 58), поскольку в разных идеологиях отводится разная роль государству и по-разному трактуется легитимность устанавливаемых им правил. С точки зрения доктрины классического (ортодоксального) либерализма теневая деятельность представляется «естественной и разумной реакцией» на неэффективные формальные нормы (с. 63); несмотря на предпринятые автором попытки наметить разницу между трактовками НЭ ортодоксальным и социально ориентированным либерализмом (с. 63–67), специфику уловить трудно. Для консерваторов «теневики» неприемлемы, потому что они ломают правила игры, на которых зиждется общество (с. 71). Идеологи социализма оценивают нарушение формальных правил экономического взаимодействия в зависимости от историко-революционного контекста (с. 74). Солидаризация с Й. Шумпетером не мешает автору уклониться от экспликации собственной «идеологической заданности». Забегая вперед, укажем, что «идеологическая позиция» автора вполне отчетливо выражена в разделах 4 и 5: разработка и внедрение эффективных формальных норм могут опираться только на партнерские отношения заинтересованных сторон.

Состоящий из двух глав раздел 2 целиком строится на российском материале. Рассмотрев временной (исторический) и пространственный аспекты НЭ в одной отдельно взятой стране, автор вновь приходит к выводу о бессмысленности суждений о НЭ «вообще» (с. 114). С опорой главным образом на зарубежные источники делается экскурс в историю советской «второй экономики», описываются благоприятные для ее развития сферы легальной частной деятельности и некоторые формы нелегальной деятельности. Основательно прописаны функции второй экономики в советском обществе. Она смягчала хронический товарный дефицит, снижала высокий инфляционный потенциал централизованной экономики, открывала (хотя и

строго ограниченный) простор для инициативы и частичного преодоления уравнительного распределения и повышала терпимость к идеологической пропаганде (с. 83–87). Даже в узком экономическом смысле «советская хозяйственная система объективно нуждалась во «второй экономике»», но при этом относилась к ней как к необходимому злу и тщательно ограничивала ее масштабы (с. 89).

Автор подчеркивает принципиальное отличие советской «второй экономики» от «неформальной экономики» остального мира: будучи рыночной, первая была отделена жестким барьером от базовой рыночной экономики, хотя и использовала ее «бесплатные» ресурсы, поэтому «крупные легальные инвестиции» в ее развитие были невозможны. При знакомстве с этой главой читателю может прийти в голову мысль, с которой нам соглашаться не хочется: изложение принципиальных межсистемных различий упорно напоминает обсуждавшиеся в предыдущих главах различия между развивающимися и развитыми странами, а приведенные автором специальные аргументы в пользу специфики советской «второй экономики» бьют мимо цели. Например, по поводу тезиса о жестких ограничениях на развитие советской второй экономики можно задать вопросом: разве в капиталистических странах приветствуется теневая экономика, не выстраиваются барьеры для легализации неформально аккумулированных активов? Разве нельзя утверждать, что неформальная экономика Запада повышает терпимость к идеологии (в определенной степени тоже лицемерной) налоговой прозрачности и аккуратности? Здесь мы ставим под сомнение не принципиальные различия между социалистическим и капиталистическим экономическими порядками, а продуктивность использования оппозиции «капитализм — социализм» для систематизации разнородных явлений, относимых к НЭ.

С нашей точки зрения, более удачно такая систематизация приведена в главе 5, где вскрываются различия в функциях НЭ в разнокачественных социальных пространствах. Может даже возникнуть впечатление, что автор на протяжении четырех глав водит читателя по лабиринту редуцированных оппозиций и только после достижения некоторого порога насыщения открывает панораму, в которой, наконец, объект начинает просматриваться отчетливо. У. Эко мог бы назвать этот прием «замедлением» [2].

Автор предлагает различать неформальные экономики узловых и неузловых сетевых пространств — в духе концепции сетевого общества М. Кастельса. В узловых пространствах, входящих в мировые сети, локализуются политические институты, концентрируются экономические и интеллектуальные ресурсы, оформляются актуальные культурные коды. «Внеузловое пространство делегирует свои экономические и политические ресурсы узловым центрам, получая взамен

опосредованную приобщенность к культуре и товарам мирового рынка» (с. 97–98). Применимость этой метафорической дихотомии, которая в принципе поддается операционализации, автор тестирует на материале теневой экономики и домашнего хозяйства; посредством теоретического анализа выстраивает наборы сравнительных критериев, выявляющих специфику узловых и внеузловых пространств (с. 106–107, 113). Читатель, обратившись к первоисточнику, будет вознагражден, поскольку метафора двух пространств является хорошим аналитическим инструментом для упорядочения нагроможденных в предыдущих главах «этнографических особенностей» НЭ.

Раздел 3 о социокультурных факторах неформальной экономики анонсирован как попытка уйти от жесткого «экономико-правового подхода». Глава 6 посвящена выявлению специфических черт веками складывавшейся русской (об иной речи не идет) культуры, которые стали ценностным фундаментом для неформальной экономики в стране. Социокультурная специфика непосредственно выводится из геоклиматических условий (бескрайние просторы и низкие температуры), доктрины православия, характера Российского государства (которое на протяжении всей истории навязывало своим подданным институциональные форматы, имевшие мало общего с укоренившимися практиками) и ценностных ориентаций россиян в 1990-е годы. Предпринятую попытку «социокультурного анализа» нельзя считать удачной. Не потому, что поиск специфических социокультурных оснований принципиально недопустим, а потому, что на 10–15 страницах такую тему не изложить, ибо она требует «большого нарратива». Кроме того, эта попытка явно диссонирует с преобладающим в книге институциональным подходом, концептуальный аппарат которого вполне позволяет описывать сюжеты, свойственные «психологии народов», в ценностно нейтральных терминах.

Следующие две главы по тщательности анализа и строгости интерпретаций заслуживают самой высокой оценки (и не имеют отношения к социокультурному анализу, несмотря на включение их в соответствующий раздел). В главе 7 рассмотрен механизм возникновения доверия в сетевом взаимодействии. Доверие автор противопоставляет надежде — рационально не обоснованному чувству (аффективное действие?) — и вере — апелляции к трансцендентной сущности (предельной ценности?). В такой (намеченной нами в скобках) логике доверие можно было бы еще противопоставить ожиданию, основанному на до конца не отрефлексированном, привычном представлении о причинно-следственной связи между посюсторонним институциональным порядком и регулируемым им поведением. В этом случае мы имели бы завершенное противопоставление целерационального действия всем остальным типам веберовской типологии:

аффективному, ценностно-рациональному и традиционному. Подобное добавление вполне соответствовало бы замыслу автора, поскольку ее интересует доверие, в основе которого лежит рационально обоснованное ожидание относительно поведения другого (с. 134).

Фокус внимания автора концентрируется на том, что сетевой мир вырабатывает и поддерживает механизмы, принуждающие индивидов соблюдать правила сетевого взаимодействия (с. 136). Таким образом, если контракт *implicite* апеллирует к принудительной силе формальных институтов, то крепость «честного слова» гарантируется тем «ночным сторожем», которым обладает сеть. Сила сети позитивно подкрепляется этническими, семейными, религиозными и другими связями, а негативно — остракизмом. Перечислены и прояснены главные условия, от которых зависит действенность сетевых санкций: объем контролируемых ресурсов, монопольность контроля, абсолютная и относительная ценность доступных ресурсов для членов сети, развитость внутрисетевой коммуникации, доверие к формальным институтам «большого общества» (с. 136–143). Издержки обладания сетевым доверием (с. 143–148) проблематизируются (осознаются), когда альтернативные ресурсы, предлагаемые другими сетями или воображаемыми сообществами, начинают казаться более привлекательными.

В главе 8 неформальный сектор рассматривается сквозь призму концепции солидарности — «особого типа социального взаимодействия, при котором моральное должество переводит ресурс идентичности в плоскость реальных действий и активности» (с. 152). Автор выделяет условия возникновения этого феномена: групповая идентификация; осознание неблагоприятности жизненных условий всей группы; нахождение «виновных» (с. 150, 152). Солидарность, основанную на моральном должестве, следует отличать от межгруппового сотрудничества, базирующегося на калькулируемом балансе интересов (с. 152).

Это различие полезно при объяснении ослабления групповой солидарности, которой предпочитается сотрудничество с оппонентами (антагонистами). «Мигранты не сплачиваются вокруг общих несчастий, а “растворяются” в обустроенности родственников» и других, в том числе «чужих» местных (с. 159). Предприниматели в «неблагоприятной институциональной среде» предпочитают неформально сотрудничать и с чиновником, и с работником ради «расширения... свободы в экономике» (с. 165). То есть россияне упорно ткут вертикальные сети сотрудничества и не заботятся о горизонтальных сетях солидарности (или на них просто не остается ресурсов).

В разделе 4 «Теневое и криминальное предпринимательство в России» выделим главы 10 и 11. В них на материале экспертных интервью увлекательно рассказаны две истории (кейса) о налаживании

сотрудничества между властью и бизнесом: в главе 10 — история взаимоотношений между импортирующим бизнесом и Государственным таможенным комитетом, в главе 11 — сага об упрочении сотрудничества между госструктурами и правообладателями торговых марок в борьбе с контрафактной продукцией. Ценность этих историй видится не только в нескучном изложении и богатой фактической основе. Автору удалось дать теоретически релевантное и этнографически насыщенное описание центральных сюжетов и не упустить некоторые непервостепенные, но принципиально важные для понимания ситуаций сюжеты, факты и обстоятельства, обозначить пересечения интересов.

В главе 12 рассматриваются понятия теневого и фиктивного рынков труда, подробно описываются мотивы участия в них продавцов и покупателей рабочей силы. В отношениях на теневом рынке труда выделяются две ситуации: бесконтрактного найма и расхождения между формальными и фактическими условиями найма.

Иные мотивы движут самозанятыми (нерегистрируемыми предпринимателями), для которых трансакционные издержки входа на рынок труда — в качестве работника и/или работодателя — оказываются непосильными. Из изложения можно понять, что нерегистрируемое предпринимательство отчасти возникает как (или «маскируется» под) направление характерных для реципрокного обмена товаров и услуг в сферу товарного обмена: продажа излишков — цветов, семечек, выполнение в «свободное время» домашних работ. Нерегистрируемое предпринимательство является маргинальным: из этой позиции возможна как восходящая трудовая мобильность (устройство на легальную работу, переход в лоно легального или более безопасного предприятия, легализация предпринимательства), так и нисходящая — уход с рынка труда. В этом смысле сферу самозанятости можно рассматривать как инкубатор первичного накопления ресурсов, необходимых для входа на рынок труда (или возвращения туда в новом качестве).

В главе 13 всесторонне рассматривается коллизия в связи с расширением легальности трудовых отношений после принятия нового Трудового кодекса и, что, на наш взгляд, особенно ценно, обрисованы контуры социологической экспертизы в законодательной деятельности. Подробно изложены принципиальные различия основных проектов ТК (правительственного и профсоюзного) в «идеологии», в отношении защищенности работников и действенности санкций против работодателей, а также в оценках стоимости двух первоначальных и принятого компромиссного варианта. Закомплексованные от сомнений в своей общественной полезности коллеги-социологи с удовлетворением обнаружат, что реализация теоретически фундированных

и методически выверенных исследовательских проектов вполне может быть увязана с управленческой практикой в решении насущных и масштабных социальных проблем (см. особенно с. 260–272).

В главе 14 подробно и систематично характеризуются *причины* распространенности устного найма в современной России, действующие на макро-, мезо- и микроуровне. Поскольку причины и мотивы в описании одного и того же явления строго разграничить не просто, читатель найдет здесь некоторые сюжетные и текстуальные переклички с главой 12.

На парадоксах строится ярко написанная глава 15, в которой описаны сходства формального и неформального найма с точки зрения участников купли-продажи рабочей силы.

Раздел 6 посвящен наиболее распространенным прямым и косвенным методам оценки объема теневой экономики. Для методов первой группы выделены две стратегии: (1) использование самоотчетов о произведенных домохозяйствами тратах с последующими расчетами стоимости потребленных теневых товаров и услуг и (2) выявление расхождений между официальными доходами и расходами домохозяйств. Принципиальный недостаток этих методов заключается в трудностях получения надежных и точных данных о произведенных тратах (даже при готовности респондентов к сотрудничеству). Кроме того, улавливается только та часть теневой стоимости, которая идет на потребление и накопление домохозяйствами, и совсем не учитывается стоимость транзакционных издержек, потребляемых самим бизнес-сообществом и государством, в том числе на легальные, официально провозглашаемые цели.

Вторая группа методов базируется на толковании несоответствий между макроэкономическими показателями, получаемыми на основе разных алгоритмов сбора первичной информации и ее агрегирования. Слабость этих методов происходит из «родимых пятен» макроэкономического моделирования: все модели строятся на предпосылках, которые сами нуждаются в проверке, а данные экономической статистики не могут не быть приблизительными. Все вместе приводит к большому разбросу в оценках, полученных с помощью разных алгоритмов и/или к противоречию с оценками экспертного «здорового смысла».

Автор, пожалуй, даже перевыполнила поставленную в разделе задачу — предостеречь читателя от наивной веры в цифру (с. 328), показав, что результаты, полученные с помощью современных методов оценки масштабов теневой экономики, пригодны не столько для описания реальности, сколько для конструирования и оправдания административной повестки дня. Особо следует подчеркнуть систематичность и прозрачность изложения сугубо технических вопросов.

Разделы 7 и 8 посвящены тем видам неформальной экономики, которые, согласно схеме автора (с. 38), функционируют не «вопреки закону», а «вне закона», то есть принципиально не подлежат формализации и прямому политэкономическому администрированию со стороны государства: сфере реципрокного обмена и домашней экономики.

При раскрытии «сущности, функций и специфики» реципрокных взаимодействий в главе 18 автор опиралась на «Великую трансформацию» К. Поланьи, в которой изложена идея «альтернативных (нерыночных) принципов экономической организации и социальной интеграции» (с. 330). Подчеркивается, что рыночный обмен (сфера которого бесспорно подлежит формализации) даже в европейском обществе возобладал лишь в XIX веке. Важна также мысль, что «выделенные Поланьи формы интеграции — реципрокность, перераспределение и обмен — не отражают стадии развития, принятые в традиционном марксизме» (с. 332) и сосуществуют в любом обществе, в том числе и в современном. В частности, «реципрокность доминирует каждый раз, когда мотив прибыли (свойственный экономике обмена. — *О.О.*) или концентрации ресурсов в центре (свойственный раздаточной экономике. — *О.О.*) утрачивает актуальность» (с. 332).

Далее дается подробное сравнение реципрокного обмена с товарным обменом и патрон-клиентскими отношениями. Несмотря на некоторую нестрогость противопоставлений — в частности, «культурные нормы реципрокных отношений» противопоставляются «обезличенным законам рынка» (с. 335), которые также являются культурной нормой, — очевидно главное различие между обменом дарами и товарами: первый ориентирован на выживание всего сообщества, второй — на максимизацию выгоды отдельными индивидами, когда элементарное выживание сообществом *не* проблематизируется. Это функциональное различие хорошо объясняет, например, указанное в следующей главе ослабление реципрокной взаимопомощи в крестьянской среде с появлением внешних источников в период относительного расцвета колхозов и совхозов (с. 352).

К сильным сторонам сравнительного анализа относится увязывание (сделанное в логике, предложенной В. Радаевым [3]) трех идеальнотипических форм интеграции — реципрокности, перераспределения и обмена — с обретением разных видов капитала: социального, административного и экономического соответственно. Заслуживает внимания и предостережение от ошибки видеть радикальную уравнительность в распространенных в крестьянском мире практиках взаимопомощи (с. 350).

В 19-й главе читателя еще ждет обзор некоторых подходов к изучению сетевой взаимопомощи; здесь рассмотрена «антропологическая традиция», «традиция сетевого анализа» и «историческая социология

крестьянovedения». Описание каждого из трех подходов завершается характеристикой исследовательского репертуара.

Под заголовком «Эмпирический портрет реципрокных взаимодействий российских домохозяйств» (глава 20) читатель найдет вдохновляющее на исследовательские предприятия описание методических приемов сбора, обработки и интерпретации данных. С нашей точки зрения, это одна из лучших глав книги.

Восьмой раздел, состоящий из двух глав, посвящен рассмотрению домашней экономики. Здесь даются теоретические определения базовых понятий и приводится методологическая рефлексия способов измерения домашнего труда, а также в сравнительном ключе излагаются основы экономических и социологических теорий, объясняющих ролевую дифференциацию в домашней экономике.

В завершающей книгу главе 22 описаны некоторые экономические и социологические теории ролевой дифференциации в домашнем хозяйстве, приводится обзор результатов ряда обследований, после чего этим результатам даются альтернативные — с точки зрения экономических и социологических теорий — интерпретации.

В заключение отметим, что достоинства рецензируемой книги с лихвой перевешивают указанные явные и мнимые недостатки. Несмотря на отдельные неточности и повторы, текст в основном выписан тщательно и, что немаловажно, со вкусом и уважением к читателю. Видно, что автор писал книгу с расчетом на размышления, сомнения, обсуждение и дальнейшее уточнение. Добротность проделанного автором труда позволила рецензенту не сдерживать свои критические порывы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дезер М. «Неформальные отношения»: как с ними быть? // Вестник общественного мнения / ВЦИОМ-А [Левада-Центр]. 2003. № 1 (67). С. 66.
2. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Symposium, 2002. Гл. 3 («Медлим в лесу»).
3. Радаев В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2.

О.А. Оберемко,
кандидат социологических наук